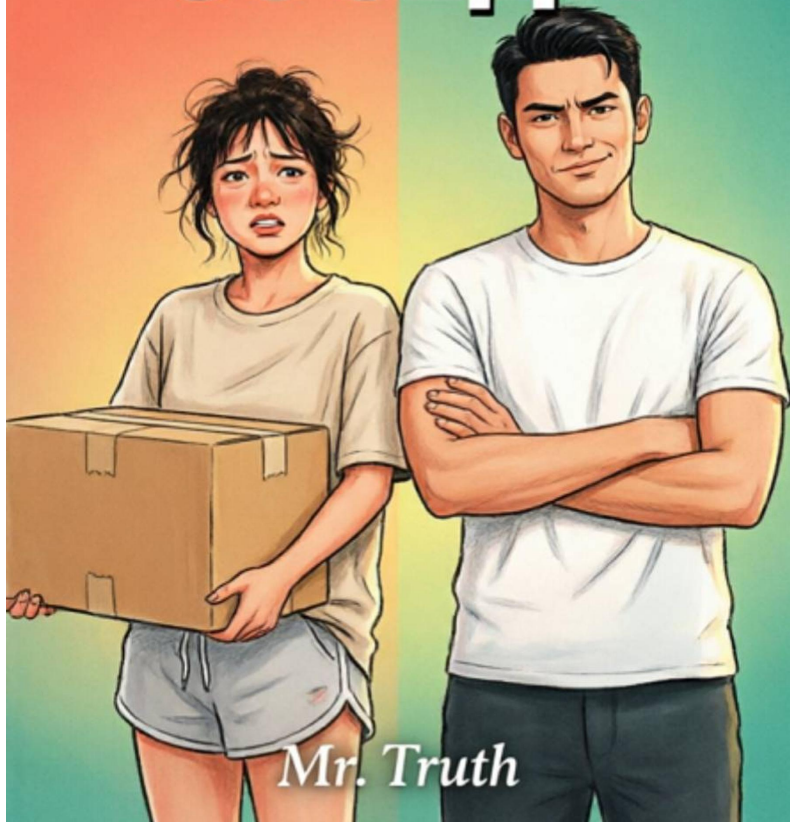

НЕУДОБНЫЕ СОСЕДИ

Mr. Truth

Mr. Truth

НЕУДОБНЫЕ СОСЕДИ

<https://litres.ru/74484474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один день — и у Алины не стало ни работы, ни дома. Вселенная явно решила проверить её на прочность. Единственный спасительный круг — комната в квартире Марка, её нового начальника. Того самого, который требует идеальных отчётов и смотрит на подчинённых как на ошибки в расписании.

Теперь им придётся делить не только офис, но и кухню, ванную и график приёма душа. Марк любит порядок до фанатизма, а Алина приносит с собой хаос, увядший кактус и вечные вопросы. Сможет ли строгий педант ужиться с рассеянной оптимисткой под одной крышей? И что будет, когда коллеги узнают, что их «ледяной босс» и «весёлая новенькая» живут вместе?

История о том, как неудобное соседство может превратиться в самую удобную любовь. Драма с элементами офисных интриг и бытового юмора.

Содержание

Глава 1. День, когда вселенная объявила мне войну	4
Глава 2. Правила выживания в бункере	11
Глава 3. Война за пульт и тишину	16
Глава 4. Кот, пицца и трещина в броне	21
Глава 5. Кофе без графика и первый шаг	25

Mr. Truth

НЕУДОБНЫЕ СОСЕДИ

Глава 1. День, когда вселенная объявила мне войну

Дождь за окном офиса напоминал не природное явление, а скорее попытку небес смыть с лица земли моё профессиональное достоинство. Капли яростно барабанили по стеклу, создавая ритм, под который хотелось выть волком или хотя бы тихо плакать в кружку с надписью «Босс года» (подарок на прошлый Новый год, когда я ещё верила в чудеса).

Я сидела на краю стула, чувствуя себя так, будто меня только что выгнали из рая без права на апелляцию. В руках я сжимала картонную коробку. Внутри жалобно позвякивали вещи, которые за два года стали моими единственными друзьями: увядший кактус по имени Колючкин, которого я забывала поливать чаще, чем раз в месяц; ручка, которая писала только через слово; и фотография моей кошки Барсика, который, судя по всему, уже скучал по мне больше, чем я по этой серой конторе.

— Алина, это чисто бизнес, — голос Ольги Петровны из отдела кадров звучал так, будто она читала инструкцию к

микроволновке. Никаких эмоций, только факты. — Кризис, оптимизация, сокращение издержек. Ты же девушка умная, поймёшь.

Я кивнула. Умная девушка поняла бы, что её увольняют за то, что она однажды перепутала цифры в отчёте для важного клиента. Но вслух я сказала только: — Конечно, Ольга Петровна. Всё понимаю.

На самом деле я понимала только одно: через три часа мне нужно было освободить съёмную «студию» (читай: комнату в коммуналке с претензией), потому что моя хозяйка, тетя Зина, внезапно решила, что ей срочно нужны деньги на операцию своему хомяку. Или на новую шубу. Детали она опустила, но тон был такой, что спорить было бесполезно.

Выходя из здания, я почувствовала, как холодная струйка дождя пробралась под воротник блузки. Это был тот самый день, когда можно было смело покупать лотерейный билет. Шансы выиграть были такими же, как и шансы найти нормальную работу и жильё в один день.

Телефон в кармане завибрировал, словно пытаясь привлечь внимание к моей катастрофе. Сообщение от тети Зины: *«Алиночка, ключи оставь консьержу. Покупатели уже едут смотреть квартиру. Извини, жизнь диктует!»*

Я остановилась посреди тротуара, игнорируя возмущённые взгляды прохожих, которые обтекали меня, как река камень. Что делать? Вариантов было мало, и все они были плохими.

Ехать к маме в деревню. Там сейчас сезон картошки, и мама уже третью неделю пишет мне письма в стиле «кто не работает, тот не ест».

К подруге Лене. Она только что родила двойню и спит стоя. Если я появлюсь у неё с коробкой вещей, она, скорее всего, упадет в обморок от ужаса.

На вокзал. Но там холодно, дорого и пахнет надеждой, которую я только что потеряла.

И тут в голове всплыло лицо Марка.

Нет, не того Марка, который вчера отчитал меня за то, что я использовала не тот шрифт в презентации. А того самого Марка Соколова, руководителя соседнего отдела. Высокого, вечно хмурого мужчину, который носил костюмы так, будто они были частью его кожи. Утром в курилке (куда я забежала стряхнуть нервы) он жаловался своему заместителю, что ипотека душит, а квартира слишком большая для одного человека после развода. Он искал соседа. Тихого, аккуратного и, желательно, невидимого.

Сердце заколотилось где-то в районе кадыка. Позвонить ему? Человеку, который смотрел на меня так, будто я была ошибкой в его идеально составленном расписании?

Гордость шептала: «Не унижайся, Алина. Найди другой путь». Желудок, пустой с самого утра, кричал: «Звони! Иначе ночью ты будешь спать на лавочке в парке!»

Желудок победил.

Дрожащими пальцами я нашла его номер в корпоратив-

ном справочнике. Гудки шли бесконечно долго. Каждый гудок отдавался в висках. *Ту-ту... Ту-ту...* Может, он не возьмет? Может, он уже нашел кого-то? Может, он вообще умер от скуки?

— Алло? — голос в трубке был таким же ледяным и четким, как этот осенний дождь. — Марк... э-э-э... Александрович? — мой голос предательски пискнул. — Это Алина. Из маркетинга. Помните, мы сегодня утром пересекались у кофемашины?

Пауза. Такая длинная, что я успела придумать три варианта самоубийства. — Помню, — наконец ответил он. — Вы пролили капучино на мой отчет. Чем могу помочь?

Я сглотнула ком в горле. — Дело в том... Вы ведь искали соседа? Для своей квартиры?

Тишина в трубке стала густой, как кисель. Я уже хотела бросить трубку, раствориться в дожде и начать новую жизнь под другим именем где-нибудь в Тайланде, когда он произнес:

— Заезжай. Адрес скину в сообщениях. Будет через сорок минут. И, Алина...

— Да? — выдохнула я.

— Возьми свои тапочки. И шампунь. У меня всё строго по списку.

Связь оборвалась. Я посмотрела на экран телефона, затем на свою мокрую обувь, потом на коробку с Колючкиным. «Ну что ж, — подумала я, направляясь к такси. — Похоже,

моя новая жизнь будет очень... неудобной».

Такси подъехало к элитному жилому комплексу «Вертикаль» ровно через полчаса. Здание выглядело так, будто его построили инопланетяне, которые очень любили стекло и бетон. Консьерж на входе окинул меня взглядом, полным немой укоризны за мой мокрый плащ и картонную коробку, но молча пропустил.

Квартира находилась на двадцать пятом этаже. Когда лифт открылся, я увидела дверь, которая казалась входом в бункер президента. Я нажала на звонок.

Дверь открылась почти мгновенно. На пороге стоял Марк. Дома он выглядел ещё более внушительно, чем в офисе. На нём были домашние брюки и белая футболка, которая облегла торс так, что стало понятно: спортзал он посещает не для галочки. Волосы были слегка растрёпаны, что придавало ему вид человека, который только что проснулся от кошмара.

— Проходи, — сказал он, посторонившись. — Разуваться там. Тапочки новые, в пакете.

Я вошла в прихожую. Квартира поражала своим минимализмом. Белые стены, серый пол, никаких личных вещей, никаких картин, никаких следов жизни. Пахло свежестью и чем-то мужским, терпким.

— Вот твоя комната, — Марк кивнул на дверь справа. — Санузел общий. График пользования ванной: с семи до восьми утра — мой, с восьми до девяти — твой. Вечером — по

договорённости.

Я замерла с пакетом в руках. — График? Серьёзно?

Марк поднял на меня взгляд своих серых глаз. — Я люблю порядок, Алина. Если хочешь жить здесь, придется привыкнуть.

Я зашла в комнату. Она была маленькой, но светлой. Окно выходило на город, который сейчас утонул в серой мгле. На полу стояла кровать, стол и шкаф. Всё новое, всё стерильное.

— Спасибо, — тихо сказала я, ставя коробку на пол. — Я... я постараюсь быть незаметной.

Марк усмехнулся. Впервые за всё время знакомства я увидела на его лице что-то похожее на эмоцию. — Не старайся, Алина. Будь просто собой. Только, пожалуйста, не проливай кофе на мои ковры.

Он закрыл дверь, оставив меня одну в этой идеальной, холодной клетке. Я села на край кровати и посмотрела на Колюшкина. — Ну что, друг, — прошептала я. — Добро пожаловать в ад с видом на город.

В этот момент мой желудок снова напомнил о себе громким урчанием. Я вспомнила, что не ела с утра. А в холодильнике, скорее всего, тоже был порядок. Строгий, как график Марка.

Я достала телефон и написала маме: *«Привет! Всё хорошо. Нашла новое место. Очень стильное. Правда, хозяин немного странный, но зато вид отличный».*

Мама ответила через минуту: *«Главное, чтобы не пил. И*

чтобы работы была хорошая».

Я посмотрела на закрытую дверь. Марк не пил. Работы у меня не было. Но зато у меня была крыша над головой и сосед, который знал, в какое время мне можно принимать душ.

«Всё могло быть хуже», — подумала я, открывая свой чемодан. И тут же услышала стук в дверь.

— Алина? — голос Марка был приглушенным. — У нас есть правило: после восьми вечера шуметь нельзя. Если будешь слушать музыку, используй наушники.

Я закатила глаза. — Хорошо, Марк Александрович.

— И зови меня просто Марк. Здесь не офис.

Дверь снова закрылась. Я улыбнулась. Возможно, этот ад не будет таким уж плохим. Главное — не забыть купить свои тапочки. Те, что он дал, были размера на два больше моих ног.

Глава 2. Правила выживания в бункере

Первая ночь в квартире Марка прошла под аккомпанемент моих собственных мыслей, которые были громче любого поезда. Кровать оказалась подозрительно удобной, матрас — упругим, как (пружина) в дорогом автомобиле, а одеяло пахло чем-то дорогим и свежим. Слишком свежим. Настолько, что я боялась даже дышать, чтобы не нарушить эту стерильную идиллию своим присутствием.

Утром меня разбудил не будильник, а звук... перфоратора? Нет, это был просто очень тихий, но методичный стук на кухне. Я посмотрела на телефон: 06:58.

«График», — вспомнила я вчерашние слова Марка.

Я вскочила, стараясь не скрипеть половицами (хотя пол был паркетным и скрипеть не должен был в принципе), и побежала в ванную. Дверь была закрыта. Из-за неё доносился шум воды и... пение?

Я замерла. Марк Соколов, человек-ледник, человек-таблица Excel, пел? И если да, то что именно? Прислушавшись, я различила мотив. Это была какая-то старая попсовая песня из нулевых. Мой мозг отказывался это принимать.

Ровно в 07:00 шум воды прекратился. Дверь открылась, и оттуда вышел Марк. Он был уже полностью одет: идеально

выглаженная рубашка, брюки со стрелками, волосы уложены волосок к волоску. Никаких следов утреннего концерта.

— Доброе утро, — сказал он ровным голосом, проходя мимо меня в кухню. — У тебя две минуты.

— Две минуты на что? — растерянно спросила я, глядя на его спину. — На умывание. В 07:02 я буду завтракать. В 07:15 я выхожу.

Я зашла в ванную. Она блестела. Плитка сияла, зеркало было без единого пятна, полотенце висело ровно, как по линейке. На полке стоял всего один флакон геля для душа и одна зубная щетка в стакане. Никаких лишних баночек, никаких расчесок.

«Он живет как монах», — пронеслось в голове.

Я умылась за рекордные девяносто секунд, стараясь не расплескать воду на раковину, и вышла на кухню.

Марк сидел за столом перед тарелкой овсянки. Рядом стояла чашка черного кофе. Он читал новости на планшете. — Садись, — кивнул он на стул напротив, не отрываясь от экрана. — Хлеб в хлебнице. Масло в холодильнике. Но масло можно брать только ножом, который лежит рядом. Не пальцем.

Я села, чувствуя себя школьницей на экзамене у самого строгого учителя. — Марк, а можно мне просто чай? И, может быть, яичницу?

Он наконец поднял взгляд. В его серых глазах читалось легкое недоумение. — Яишница оставляет запах и жирные

брызги на плите. Чай можно. Сахар в банке справа. Ложку клади обратно чистой стороной вверх.

Я молча налила себе чай. Овсянка выглядела аппетитно, но просить её после лекции про масло я не решилась. Мы сидели в тишине. Ели молча. Пили молча. Единственным звуком было тихое цоканье его ложки о керамику.

«Боже, — думала я, жуя сухой хлеб. — Я здесь скончаюсь от тоски или от голода. Или от того, что забуду, какой стороной класть ложку».

— Алина, — вдруг произнес он, когда я уже допивала чай. — Да? — я вздрогнула. — Ты сегодня идешь на работу?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и липкий. Я опустила глаза в чашку. — Нет. Вчера... вчера был мой последний день.

Марк замер с ложкой в воздухе. Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то странное. Не жалость. Скорее... понимание? Или расчет? — Понятно, — сказал он тихо. — Значит, ты будешь дома днем.

— Я найду работу быстро, — быстро заговорила я, чувствуя, как щеки горят. — Я уже отправила резюме. Просто... сейчас рынок сложный.

— Я не спрашивал про рынок, — перебил он, но без злобы. — Я спрашивал, потому что днем я тоже работаю удаленно до обеда. Если ты будешь дома, нам нужно согласовать правила тишины. И использования кухни.

Он встал, забрал свою тарелку и поставил её в посудомой-

ку. Одним движением. — Вечером обсудим быт. А сейчас... — он бросил взгляд на часы. — 07:14. Мне пора.

Он взял портфель, поправил пиджак на спинке стула (да, он даже пиджак вешал идеально!) и направился к двери. — Алина. — Да? — Ключи на тумбочке. Не потеряй. Замена замков стоит дорого.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна в идеальной, звенящей тишине.

Я посмотрела на свою чашку. Потом на хлебницу. Потом на окно, за которым серое утро сменилось пасмурным днем. «Ну всё, Алина, — сказала я сама себе. — Ты в тюрьме. Красивой, дорогой, с видом на город, но тюрьме».

Но тут мой взгляд упел на столешницу. Рядом с его безупречной тарелкой лежал... крошечный, едва заметный ку-сочек оболочки от овсяного хлопья. Он выпал, когда он насыпал кашу. Марк его не заметил. Или заметил, но решил убрать потом.

Я улыбнулась. Даже у идеального Марка бывают крошки. «Ладно, — подумала я, убирая за собой посуду (стараясь сделать это так же бесшумно, как он). — Раз у него есть крошки, значит, он живой. А с живыми людьми можно договориться».

Я достала телефон. Нужно было искать работу. И, возможно, покупать свои тапочки. Те, что дал Марк, действительно болтались на ногах, как лодки.

Внезапно телефон завибрировал. Сообщение от неизвест-

ного номера. *«Алина, это Марк. Забыл сказать. В холодильнике есть йогурты. Можно брать любые, кроме клубничного. Это мой».*

Я рассмеялась. Громко. В этой стерильной кухне мой смех прозвучал как вызов. «Клубничный — табу», — запомнила я. — «Но остальные — мои».

Это было маленькое, но важное правило. Мое первое правило в этом новом мире.

Глава 3. Война за пульт и тишину

День прошел в тумане поисков работы. Я отправила резюме в двадцать компаний, написала сопроводительные письма, которые перечитывала по десять раз, и даже позвонила в одно агентство, где меня вежливо послали. К шести вечера я была выжата, как лимон. Голова гудела, а ноги ныли так, будто я пробежала марафон в тех самых огромных тапочках Марка.

Когда я открыла дверь квартиры, первое, что меня встретило — тишина. Не просто отсутствие звуков, а какая-то вакуумная, звенящая пустота. Свет в прихожей был выключен. Из гостиной доносилось лишь тихое тиканье часов.

— Марк? — тихо позвала я, снимая куртку. — На кухне, — отозвался его голос. Спокойный. Ровный. Будто он ждал моего прихода ровно в эту секунду.

Я зашла на кухню. Марк стоял у плиты. На ней стояла одна кастрюля. Он помешивал содержимое деревянной ложкой. На столе уже были накрыты два прибора. Идеально симметрично. Вилки параллельны ножам. Салфетки сложены треугольниками.

— Ты вовремя, — сказал он, не оборачиваясь. — Ужин через три минуты. Помой руки.

Я послушно пошла в ванную. Мыло пахло сандалом. Полотенце было сухим и теплым (он, видимо, прогрел его? Или

это мне показалось?). Вернувшись на кухню, я села за стол.

— Что готовишь? — спросила я, глядя на кастрюлю. — Гречку с курицей, — ответил Марк, накладывая еду в тарелки. Порции были одинаковыми. До грамма. — Полезно. Сытно. Без лишнего жира.

Он поставил передо мной тарелку. Гречка лежала горкой. Курица — аккуратно сбоку. Никакого соуса. Никаких украшений. — Приятного аппетита, — сказал он и сел напротив.

Мы ели. Опять в тишине. Но теперь эта тишина была другой. Не давящей, а... сосредоточенной. Я смотрела на него. Он ел медленно, тщательно пережевывая каждый кусок. Ни телефона. Ни телевизора. Только еда и... я?

— Как поиск работы? — вдруг спросил он, когда я доела половину порции. Я подавилась. Кашель пришлось сдерживать, чтобы не нарушить этикет. — Нормально, — прохрипела я, запивая водой. — Отправляю резюме. Пока без ответов.

Марк кивнул. — Рынок сейчас сложный. Но у тебя хороший опыт в маркетинге. Не сдавайся.

Я замерла с вилкой в руке. Это было... сочувствие? От Марка? Человека, который вчера требовал график приема душа? — Спасибо, — тихо сказала я. — Я стараюсь.

После ужина он снова убрал посуду в машинку. Одним движением. — Теперь у тебя есть час свободного времени, — объявил он. — До 21:00. Потом — тишина.

— Час? — переспросила я. — А что потом? — Потом я

работаю. И тебе нужно отдыхать. Завтра новый день.

Я вышла в гостиную. Там стоял огромный телевизор и удобный диван. Я плюхнулась на него, достала телефон и включила YouTube. Хотелось посмотреть какой-нибудь легкий влог или сериал. Звук был на минимуме, но в этой звенящей тишине даже шепот динамиков казался криком.

Через десять минут из комнаты Марка вышел он сам. В руках у него был ноутбук. Он посмотрел на меня, затем на телевизор. — Алина. — Да? — я быстро уменьшила звук еще больше. — Ты можешь использовать наушники? Или хотя бы убавить яркость экрана. Свет мешает концентрации.

Я вздохнула. — Марк, я просто хочу отдохнуть час. Можно мне просто посидеть здесь? Без наушников? Обещаю, будет тихо.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах боролись «правила» и что-то другое. Человеческое. — Ладно, — наконец сказал он. — Но если я попрошу сделать тише — ты сделаешь сразу. Без вопросов. — Договорились! — обрадовалась я.

Он сел в кресло напротив, открыл ноутбук и начал работать. Пальцы летали по клавиатуре. Брови были слегка нахмурены. Я смотрела на него краем глаза. При тусклом свете экрана он выглядел иначе. Не как начальник. Как уставший мужчина, который несет на себе какой-то груз.

«Интересно, о чем он думает?» — пронеслось в голове.

Внезапно мой телефон завибрировал. Сообщение от по-

други Лены: *«Алин, ты жива? Как новый дом? Этот твой босс не съел тебя?»*

Я не смогла сдержать улыбку. И тихого смешка. Марк поднял голову. — Что смешного? — Да так... Подруга спрашивает, не съел ли ты меня, — шепотом ответила я.

На его лице дрогнул уголок губ. Едва заметно. Но я увидела. — Передай ей, что я вегетарианец, — прошептал он в ответ.

Я замерла. Он... пошутил? Марк Соколов пошутил? В этот момент телевизор сам переключился на рекламу. Громкую. Яркую. Музыка ударила по ушам.

Я судорожно потянулась к пульту, но он был далеко. — Ой! — вырвалось у меня.

Марк мгновенно протянул руку и нажал кнопку на своем телефоне (оказалось, у него есть приложение для управления умным домом!). Реклама исчезла. Наступила тишина.

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. — Умный дом, — пояснил он сухо. — Удобная вещь.

— Спасибо, — выдохнула я. Сердце колотилось. Не от страха. От чего-то другого.

— Алина, — сказал он тихо. — Ты действительно устала искать работу? — Да, — честно призналась я. — Очень. Иногда хочется просто лечь и не вставать.

Он закрыл ноутбук. — Тогда сегодня правило «тишины» отменяется, — сказал он. — Можешь смотреть что хочешь. Только... — он сделал паузу. — Только не включай новости.

Они депрессивные.

Я улыбнулась. Широко. Настояще. — Хорошо, Марк. Без новостей.

Он снова открыл ноутбук. Но теперь между нами не было стены из правил. Был маленький мостик. Построенный из гречки, шуток про вегетарианство и отмененного правила тишины.

Я включила любимый ситком. Звук был тихим. Но в этой квартире он звучал как музыка.

Глава 4. Кот, пицца и трещина в броне

Следующие три дня прошли в режиме «тихой войны». Я искала работу днём, а вечером старалась быть максимально незаметной тенью. Марк держал слово: он больше не делал замечаний по поводу света или звука, но его молчание было тяжелее любых упреков. Мы жили как два вежливых призрака в одной квартире.

Но в четверг всё изменилось.

Я возвращалась домой после очередного неудачного собеседования (меня снова отвергли, сказав, что я «слишком эмоциональна для аналитики»). На улице шёл мокрый снег, настроение было на нуле, а желудок требовал еды. И не гречки.

У подъезда я увидела коробку с котятами. Три пушистых комочка сидели в картоне, дрожа от холода. Рядом лежала записка: *«Возьмите кого-нибудь, пожалуйста. Не могу больше»*.

Моё сердце ёкнуло. Я знала, что Марк запретит. Знала, что это нарушение всех его правил гигиены и порядка. Но я также знала, что не смогу пройти мимо.

— Прости, Марк, — прошептала я, аккуратно заворачивая самого маленького рыжего котёнка в свой шарф. — Это

временно. Пока найду им дом.

Котёнок был лёгким, тёплым и пах молоком. Он тут же уткнулся носом мне в шею и замурчал. В этот момент я забыла про графики, тапочки и идеальные углы.

Поднимаясь в лифте, я придумывала оправдания. *«Он тихий. Он маленький. Я уберу за ним сама»*. Но когда дверь квартиры открылась, все слова вылетели из головы.

Марк стоял в прихожей. Он ждал меня. — Ты опоздала на двенадцать минут, — сказал он. Его голос был ровным, но в глазах читалось напряжение. — Ужин остыл.

— Марк, я... — начала я, но тут котёнок чихнул. Громко. Звонко.

Марк замер. Его взгляд опустился на мой шарф, где торчала рыжая мордочка. Лицо побелело. Не от злости. От... ужаса? — Что это? — спросил он тихо. Так тихо, что я испугалась больше, чем если бы он кричал. — Котёнок, — честно ответила я. — Я нашла его у подъезда. Он замерзал. Я только на время! Пока не найду хозяев!

— Убери, — произнёс он. Голос дрогнул. — Алина, убери это немедленно.

— Марк, он же живой! Он маленький! Я уберу за ним, обещаю! Никакого запаха, никакой шерсти! Я куплю лоток с закрытым верхом!

— Дело не в запахе! — вдруг выкрикнул он. Резко. Громко. Так, что котёнок вздрогнул и спрятался глубже в шарф.

Наступила тишина. Марк тяжело дышал. Он схватился за

косяк двери, словно ему стало плохо. — Дело не в запахе, — повторил он уже шёпотом. — Просто... убери его. Пожалуйста.

Я никогда не видела его таким. Не строгим. Не педантичным. А растерянным. Испуганным.

— Марк, что случилось? — спросила я мягко, подходя ближе. Котёнок продолжал мурчать у меня на груди. — Ты боишься кошек?

Он посмотрел на меня. В его серых глазах стояли слёзы. Настоящие, живые слёзы. — Моя дочь, — прошептал он. — Ей было четыре года. Она любила кошек. Однажды... одна кошка укусила её. Аллергия. Анафилактический шок. Мы не успели...

Он осёкся. Глотнул воздух, пытаясь вернуть себе контроль. — С тех пор я не могу видеть кошек. Не могу слышать мурчание. Это напоминает мне о том дне. О том, что я не смог защитить самое важное.

Я стояла, прижимая к себе тёплый комочек, и чувствовала, как рушится моя картинка «ледяного босса». Передо мной был не робот с графиком душа. Был отец. Который носит свою боль в идеально выглаженных рубашках и прячет её за правилами, потому что правила — это единственное, что он может контролировать.

— Марк... — я сделала шаг к нему. — Мне так жаль. Я не знала.

— Я тоже не хотел говорить, — ответил он, вытирая гла-

за тыльной стороной ладони. Жест был таким человеческим, таким уязвимым. — Но теперь ты знаешь. Поэтому... пожалуйста.

Я посмотрела на котёнка. Он смотрел на меня большими зелёными глазами. Мурчал. — Хорошо, — сказала я тихо. — Я отвезу его маме. Прямо сейчас.

— Нет, — остановил он меня. — Сейчас поздно. И снег. Оставайся. Но... — он сделал глубокий вдох. — Но пусть он будет в твоей комнате. Закрытой. И завтра утром — сразу отвезёшь. Договорились?

— Договорились, — кивнула я.

Он кивнул в ответ. И впервые за всё время нашего соседства... улыбнулся. Не усмешкой. А настоящей, грустной, но тёплой улыбкой. — Спасибо, Алина. За понимание.

Я прошла в свою комнату, закрыла дверь и посадила котёнка на кровать. Он тут же свернулся клубком и уснул. А я села рядом и заплакала. Не от горя. От того, что наконец-то увидела человека за маской.

«Правила, — подумала я, глядя на спящего рыжего комочка. — Его правила — это не тирания. Это способ не развалиться на куски».

И в этот момент я поняла: я хочу помочь ему снять эту маску. Не сломав правила. А сделав так, чтобы они стали не нужны.

Глава 5. Кофе без графика и первый шаг

Я проснулась раньше будильника. За окном серело, и мокрый снег сменился на робкое солнце, которое лениво пробивалось сквозь тучи, словно не решаясь полностью заявить о себе. Котёнка уже не было — я отвезла его маме в соседний двор ещё до рассвета, пока Марк спал (или делал вид, что спит). Он даже не вышел проводить, лишь тихо сказал из-за закрытой двери: «Будь осторожна на льду». Голос был хриплым, невыспавшимся, но в нём не было привычной стали. Было что-то другое. Что-то, от чего у меня ёкнуло сердце.

Это «будь осторожна» звучало для меня громче любых правил. Оно было как разрешение дышать. Как знак, что я здесь не просто временное неудобство, а человек, о котором можно беспокоиться.

На кухне пахло кофе. Не тем стерильным чёрным кофе, который пил Марк каждое утро ровно в 07:02, а чем-то более тёплым, пряным, домашним. Запах корицы смешивался с ароматом свежееиспечённого хлеба (откуда он взялся? У него же в холодильнике только гречка и курица!). Я замерла в дверях, боясь нарушить эту магию резким движением.

Марк стоял у плиты. На ней грелась турка. Рядом лежали две чашки. Не одинаковые, как обычно. Одна — его люби-

мая белая керамика, идеально гладкая, без единой царапины. Вторая — моя, с трещинкой на ручке, ту самую, которую я привезла вчера в коробке с Колючкиным. Она стояла рядом с его чашкой, как равная. Как приглашение.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь. Голос был тише обычного. Будто он берег его, боялся спугнуть хрупкое утреннее настроение. — Доброе, — ответила я, подходя ближе. Стараясь ступать бесшумно, хотя паркет не скрипел. — Ты... сделал кофе? И хлеб?

Он наконец повернулся. Под глазами залегли тени, но взгляд был ясным. Без вчерашней боли, без напряжения. Только лёгкая усталость и... тепло? — Ты вернулась поздно. Не успела позавтракать. — Он кивнул на мою чашку. — Это с корицей. Хлеб купил по дороге домой вчера вечером. Надеюсь, ты любишь.

Я взяла чашку. Она была горячей. Тяжёлой. Настоящей. Корица щекотала нос, напоминая детство, когда мама пекла булки по воскресеньям. — Люблю, — честно сказала я, чувствуя, как горло сжимается от непрошенных эмоций. — Спасибо, Марк. Это... очень мило с твоей стороны.

Мы сели за стол. Но сегодня тишина была другой. Не вакуумной, давящей, требующей соблюдения протокола. А наполненной. Мы пили кофе, глядя друг на друга. Не избегая взглядов. Не прячась за газетами или телефонами. Я видела, как он держит чашку — не так уверенно, как обычно. Пальцы слегка дрожали. Он заметил, что я смотрю, и чуть усилил

хватку, но не убрал руку.

— Как котёнок? — спросил он вдруг. Голос был тихим, почти шёпотом. Будто вопрос был важнее, чем казался. — Хорошо, — улыбнулась я, чувствуя, как тепло разливается по груди. — Мама была рада. Сказала, что он будет жить у неё в тепле. Что у неё есть старая кошка, которая станет ему нянькой. И что передаёт тебе спасибо. За то, что позволил ему переночевать.

Марк опустил глаза в чашку. Пар поднимался вверх, скрывая его выражение лица. Пальцы сжались вокруг ручки так, что костяшки побелели. — Я не позволил, — тихо сказал он. Слова выходили с трудом, будто каждый весил тонну. — Ты попросила. А я... услышал.

«Услышал». Не «согласился». Не «разрешил». Не «пошёл на уступки». А именно *услышал*. Это слово повисло в воздухе, тяжёлое и светлое одновременно. Оно означало, что он не просто терпел моё присутствие. Он начал *видеть* меня.

— Марк, — я положила руку на стол. Не касаясь его. Просто рядом. На расстоянии вытянутой руки, но достаточно близко, чтобы он почувствовал моё тепло. — Вчерашнее... оно ничего не изменило в плохом смысле. Ты всё ещё можешь любить порядок. Можешь иметь свои правила. Я не прошу тебя стать другим. Не прошу ломать себя ради меня.

Он поднял взгляд. В глазах читался вопрос. И надежда. И страх. Страх, что я передумаю. Что это была минутная слабость, которая скоро пройдёт. — Но, — продолжила я, дер-

жа его взгляд, — может быть, некоторые правила можно сделать... гибкими? Например, график душа. Или время ужина. Если мы оба согласны. Если это не будет тебя травмировать.

Он молчал долго. Смотрел на мою руку на столе. Потом на свою чашку. Потом на солнечный луч, который пробился сквозь окно и лёг на скатерть золотой полосой. Будто искал ответы в свете. — График душа остаётся, — сказал он наконец. Но в голосе не было стали. Была... усталость? Или облегчение? Будто он сбросил с плеч груз, который нёс годами. — Но... если ты задерживаешься на поисках работы, я могу подождать. До 07:30. Это не нарушит мой распорядок. Но даст тебе время.

— 07:30 — это отлично! — обрадовалась я, и моя улыбка была искренней, широкой. — А ужин?

— Ужин в 19:00, — кивнул он, и в уголках губ дрогнуло нечто похожее на улыбку. — Но... если ты хочешь заказать пиццу... — он запнулся, словно произнося запретное слово, которое могло разрушить весь мир. — ...то мы можем съесть её на балконе. Чтобы запах не проникал в квартиру. И чтобы ты могла есть то, что хочешь. Без чувства вины.

Я рассмеялась. Тихо. Тепло. Смех эхом отразился от стен, и они не рухнули. Наоборот, казалось, что квартира выдохнула вместе со мной. — Балкон — это компромисс, который я принимаю с благодарностью. И с аппетитом!

Он улыбнулся в ответ. Едва заметно. Но это была улыбка человека, который впервые за долгое время почувствовал,

что его слышат. Не осуждают. Не требуют соответствия идеалу. А именно *слышат*. Принимают. Со всеми трещинками, как моя чашка.

— Алина, — сказал он, когда мы допили кофе. Чашки опустели, но тепло осталось. — Сегодня у меня есть дело. Вечером. Мне нужно... купить продукты. И, возможно, зайти в зоомагазин.

Я замерла. Ложка звякнула о блюде. — Зоомагазин?

— Да, — кивнул он, глядя в сторону. На стену. На окно. Куда угодно, только не на меня. — Там продаются корма для кошек. И игрушки. Я подумал... вдруг той маме понадобится помощь. Или... — он осёкся. Глотнул воздух. — Или просто. Для будущего. Если... если когда-нибудь...

«Для будущего». Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и светлые одновременно. Они означали, что он не просто пережил вчерашний день. Он начал думать о завтрашнем. О том, что может быть после боли. После страха.

— Я пойду с тобой, — сказала я. Не спрашивая. Утверждая. Мой голос был твёрдым, но мягким. Как обещание.

Он посмотрел на меня. Долго. Серьёзно. В его взгляде читалось всё: благодарность, страх, надежда, доверие. — Хорошо, — ответил он. — В 18:00. Оденься теплее. На улице холодно.

— Договорились, Марк.

Он встал, забрал чашки. Но на этот раз не одним движением. А медленно. Бережно. Будто держал в руках нечто неве-

сомое и хрупкое. Что-то, что только начало расти между нами. Что-то, что нельзя было сломать неосторожным жестом. Он поставил чашки в раковину, включил воду. Звук был тихим, уютным. Не таким, как раньше.

Я осталась сидеть за столом. Смотрела на пустую чашку. На солнечный луч, который пробился сквозь окно и лёг на скатерть тёплой золотой дорожкой. Луч освещал крошки хлеба, которые Марк не убрал сразу. Он оставил их. Намеренно? Или просто забыл? Не важно. Важно было то, что они были здесь. Как символ того, что совершенство больше не было целью. Целью было *мы*.

«Гибкие правила, — подумала я, проводя пальцем по краю стола. — Компромиссы. Балкон для пиццы. Зоомагазин. Кофе с корицей».

Это не было концом его порядка. Это было началом нашего общего мира. Где порядок и хаос могли существовать вместе. Не воюя. Не подавляя друг друга. А дополняя. Как кофе и корица. Как его чашка и моя. Как его боль и моя надежда.

И впервые за всё время жизни в этой квартире я почувствовала себя не гостьей. Не нарушительницей. Не временным неудобством. А частью чего-то большего. Частью *нас*. Частью дома.

Телефон завибрировал. Сообщение от мамы: «Алиночка, как дела? Нашла работу?»

Я улыбнулась и начала печатать ответ: «Мам, всё хорошо.

Даже лучше, чем хорошо. Я нашла кое-что важнее работы».

Отправила. И посмотрела на дверь кухни, где Марк мыл посуду. Его силуэт был таким же строгим, как всегда. Но теперь я знала: за этим силуэтом бьётся сердце. Которое учится снова доверять. Которое учится снова жить.

«Мы справимся, — подумала я. — Вместе».